

С. С. ГОГОЦКИЙ

Философский лексикон. А. Шопенгауэр

Шопенгауэр, Артур, р. 1788 г. в Данциге, где отец его был очень богатым негоциантом. В 1809 г. Шопенгауэр поступил в Геттингенский университет, где слушал естественные науки и историю. В 1811 году он перешел в берлинский университет, желая слушать Фихте, хотя в то время Фихте давно уже окончил развитие своей философии и не производил ничего нового. С 1813 по 1820 г. Шопенгауэр занимался, кроме философии, индийскими древностями, и, по сочинению о *начале достаточного основания*, получил ученое место в Иене, путешествовал по Италии и издавал небольшие сочинения, относящиеся к философии и физиологии. В 1820 г. он возвратился в Берлин, поступил в доценты берлинского университета; но лекции читал только один семестр, хотя долго потом состоял еще в списке преподавателей берлинского университета. Как богатый человек, не имевший нужды в труде, для приобретения средств к жизни, Шопенгауэр переезжал с одного места на другое, прожил в Италии с 1822 по 1825 год, и в 1831 г. переехал во Франкфурт-на-Майне, бывший с того времени главным и постоянным местом его жительства. В 1839 г. сочинение Шопенгауэра *о свободе воли* было удостоено премии норвежским обществом наук в Дронтгейме и сам Шопенгауэр сделан был членом этого общества. Это обстоятельство обратило внимание на Шопенгауэра. Другое сочинение *об основании нравственности*, написанное на тему, заданную ученым обществом в Копенгагене, не было удостоено премии. Тем не менее, как это сочинение, так и предыдущее преимущественно пользовалось вниманием ученых, тогда как другие сочинения Шопенгауэра не только не пользовались вниманием, но долгое время вызывали даже некоторое пренебрежение к автору. Время смерти Шопенгауэра нам неизвестно. Сочинения Шопенгауэра, относящиеся к философии: *Ueber die vierfache Wurzel des Sazes vom zureichenden Grunde*, Rudolst., 1815, 8; *Ueber das Sehen und die Farben*, Lpz., 1816, 8; *Die Welt, als Wille und Vorstellung*, четыре книги с приложением критического разбора философии Канта, Lpz., 1819, 8; *Ueber den Willen in der Natur*, Frankfurt a M., 1836, 8; *Die beiden Grundprobleme d. Ethik*, *ibid.*, 1841, 8; *Parerga und Paralipomena*, 2 Bde, Berlin 1851, 8. — Шопенгауэр не писал философской системы. Его философские сочинения имеют отрывочный характер; тем не менее, они замечательны некоторою оригинальностью и даже странностью взгляда в решении некоторых существенных философских вопросов. — Каждая философская доктрина и каждое философское направление возникают и определяются по соотношению их к другим направлениям, к другим взглядам, оказавшимся недостаточными и требовавшим нового взгляда, нового направления. И Шопенгауерово направление сформировалось, как опыт реакции германскому идеализму, и потому смысл его философии значительно объясняется отношением к двум формам германского идеализма, а именно, к субъективному идеализму Канта и затем, к так называемому абсолютному германскому идеализму. В отношении к общему умозрительному направлению философии в Германии, взгляд Шопенгауэра состоит в том, что у представителей германского умозрения мышление признается началом не только определяющим, но и выражающим действительное бытие; тогда как у Шопенгауэра мышление есть только феномен, продукт, или, как еще резче выражается Шопенгауэр, есть только функция мозга. Понимаемое в таком смысле, оно не совпадает с бытием, с самым актом жизни, но только предполагает его как нечто предшествовавшее мышлению и отличное от него. Началом бытия, выразителем его, нужно признать не мышление, а волю, Воля или самый

акт жизни, недоступный рефлексии мышления, есть та неведомая *вещь в себе*», о которой говорил Кант, считая ее недоступною нашему познанию. Итак, Шопенгауэр и соглашается с Кантом, что *вещь в себе* недоступна нашему мышлению, и вместе с тем утверждает, что эту *вещь в себе* мы знаем, когда говорит, что она есть не мышление, а воля. Мало того, Шопенгауэр если не прямо, то косвенно, возвышает отнятое им у мышления значение, когда ставит свое положение о *воле*, как *вещи в себе*, потому что кто же определяет эту *волю*, как не мышление? Что же именно понимает Шопенгауэр под волею, как началом всего? Под волею у него разумеется то первоначальное, основное побуждение или стремление природы, из которого происходит потом самое представление. Весь мир в пространстве и времени есть только явление этого естественного стремления или акта. Первоначальное *стремление* или *воля* Шопенгауэра имеет некоторое сходство с первоначальным Я у Фихте конечно не по названию, но по существу дела; потому что и у Фихте Я потому только и может быть теоретическим или познающим, что первоначально ему свойственно быть практическим или быть стремлением. Шопенгауэр дополняет фихтовское *стремление* только тем, что у Фихте оно было бесконечным стремлением к уничтожению предела; оно не имело определенного выражения; а Шопенгауэр дает этому первоначальному стремлению внешнее соответственное выражение в чувственной природе, что уже сделано было, хотя и иначе, Шеллингом. Если Шопенгауэр опровергает фихтовское Я, как начало, и доказывает, что Я не может быть началом, потому что в нем содержится только результат рефлексии, то полемика его касается больше неудачности технического названия, данного у Фихте первому началу, но не самой природы, не существенного свойства его. *Воля* Шопенгауэра, как первое начало, сходна отчасти даже с *автономической волею* у Канта. Автономическая воля у Канта получает силу только от тождественности с сознанным достоинством закона; она также должна иметь ввиду и закон природы, но как *сознанный*, и только в силу сознанности, обязательный; а у Шопенгауэра сила есть естественное побуждение, стремление, слепое влечение, которому вовсе не нужны стихии мысли и сознательного определения, чтобы перейти в акт или быть актом. Из предыдущего видно, что у Шопенгауэра воля, как начало наблюдаемого бытия, не может быть чем-то отдельным от него; воля составляет с ним одно неразрывное целое. Воля, присущая нашему существу, есть наш телесный организм, т. е. воля не есть воля отвлеченная избирающая средства для своего проявления; она непосредственно делается и сделалась телом, организмом. Если так, то о теле мы можем приобрести существенное познание, когда будем изучать его, не со стороны его аналитического строения, не как анатомический труп, но в тех стремлениях и побуждениях, которыми оно обнаруживает свою жизнь. Наше тело служит для нас вместе ключом и для познания сущности целого мира. Отсюда у Шопенгауэра выходит то важное следствие, что физическое бытие есть только призрак или поверхность, сама по себе еще не имеющая для нас никакого смысла; истинным же бытием должно признать только психическую жизнь, т. е. ту жизнь, которая выражается для нас в самочувствовании, в побуждениях, в стремлениях. Значит, философское исследование должно рассматривать мир не иначе, как с психологической точки зрения, т. е., проникать в различные формы и степени стремлений каждого существа — быть тем, чем оно есть, чем оно делается, или бывает. Подобное требование касается не только знания нас самих, но и познания всех царств природы, животного, растительного, минерального и даже природы элементарной; потому что самый закон тяжести, свойственный всем телам, тождествен с тем, что в нас существует, как воля. Словом, необходимо допустить самую широкую аналогию между всеми царствами природы. Не только в животных, но и в растениях, и даже в неорганических произведениях природы есть способность отзываться на возбуждения или внешние причины такими свойствами и действиями, которых нет в самих причинах. Эту аналогию между всеми существами в природе Шопенгауэр объясняет описанием, — как животные имеют стремления сходные с нашими, как растения могут привыкать к чему-нибудь и отвыкать, и как перемены, производимые в неорганических предметах от

внешних причин, непременно предполагают в них предрасположение к этим переменам. На основании связывающих все части мира, должно рассматривать все произведения природы, как степени обнаружения их стремлений, побуждений или воли (Triebe), а мерилom для определения этих степеней должна быть причинная связь вещей или закон причинности. Применяя закон причинной связи ко всем степеням жизни, находим, что на самой низшей ее степени в области механизма, причина и действие совершенно равномерны, и потому здесь причинная связь предстает в самом ясном виде; но воля, как воля еще сокрыта. Так, например, в ударе одним костяным шаром другого и в движении этого другого шара, как действию предыдущего удара, причина и действие равны и связь их совершенно ясна; потому что по качеству, между причиною и действием здесь нет разницы. Но чем далее будем подниматься по степеням жизни, тем более будет возрастать несоответствие между ними и понятность причинной связи будет уменьшаться. Наибольшие несходства между причиною и действием в существах мыслящих; потому что в этой сфере жизни толчком для действия или нового явления служить не удар, не давление и не раздражение, а мотив; мотивом же служит не насущный, видимый предмет, а понятие. Но в этой-то среде жизни, из существа самого наблюдателя образуется заключение, что в его действиях агентом служит именно воля, которая очевиднее всех предметов внешнего наблюдения, и это познание воли, как причины его действий, дает ключ к уразумению начала и свойства всех предыдущих, низших процессов природы. Руководствуясь подобным понятием воли, как началом действий разумных существ, мы приходим к заключению, что воля или внутреннее побуждение есть начало всякой вещи, что в побуждении заключается неведомое кантово X, или неведомое существо вещей. Этот взгляд Шопенгауэра нашел себе некоторое подтверждение в исследованиях сравнительной анатомии, так как ими доказано, что строение организма животных соответствует их побуждениям, влечениям. — На высшей степени проявлений воли или побуждения, т. е. на степени ее проявления в человеке, к этой воле привходит познание нужного ей или существа наделенным ею, а раздражения становятся сознанными мотивами. Но для того, чтобы возможно было познание, необходим для него орган или мозг, как объективное выражение или осуществление воли, направленной к сознанию акта познания. А с происхождением органа познания возникает и мир, как представление; мозг же (со всеми представлениями и понятиями) есть произведение воли, которое должно ей служить для поддержания жизни индивидуума. — С такой точки зрения на бытие и познание, на индивидуальную жизнь и ее отношение к одной общей жизни, к одной воле, проникающей и ставящей всякую индивидуальную жизнь, как свое проявление и жертву, Шоп. должен был своеобразно рассматривать и сущность нравственной жизни. У него высшую задачу нравственной жизни и высшее блаженство человека составляет самоуничтожение или полное погружение в мысль о ничтожестве всякой индивидуальной жизни, подобное тому экстазу, который испытывали индийские гимнософисты, отвлекая свои мысли от мира явлений и сосредоточивая их на одной мысли о бездне ничтожества, поглощающей все, — и великое и малое, интересующее человека. Рассматривая доктрину Шопенгауэра в целом, нельзя не понять, что он повторяет то же пантеистическое направление, которое уже было высказано Спинозой и особенно Шеллингом, с тою разницею, что он заменяет их единство субстанции или абсолютно-тождественное существо единством универсальной воли как начала всякой жизни, в той надежде, что с признанием воли началом всякой жизни не станет того двойства, с которым неразрывно мышление, с его субъектом и объектом, и устранился непонятность перехода чистой, отвлеченной мысли в акт бытия и жизни — недостаток, которым страдает так называемый абсолютный идеализм. Но достиг ли цели Шопенгауэр, заменяя прежний абсолютизм в понятии о мышлении своим абсолютизмом в понятии о воле? Нисколько. Положим что гипотеза о побуждении или стремлении, как данной (высшим могуществом) основы сознательной теоретической и практической жизни, верна и плодотворна. Следует ли отсюда возможность утверждать, что и первая творящая причина мира есть такая же

готовая данная сила или воля? Или назовите ее как угодно; но мы признаем ее такую силою, актом волею, которая и сама того не знает, что она воля и почему и для чего она существует. То есть, можно ли признать эту волю без всеомеренного самоведения о себе и самоопределения? Как бы ни уничижали законы мышления, но на подобном понятии о первой причине всего остановиться мы не можем. От неуважения законов и значения мышления, переход к кантовскому скептицизму понятен; но сказать, что мышление есть производная функция, отнимать у него подобающее ему значение и потом, пользуясь потёмками, требовать с капризною настойчивостью, чтобы все согласилось с тем, что и могущество зиждущее мир, есть такая же безотчетная сила, какою бывает на первых порах в нашей жизни побуждение или стремление, — это значит произвольно предпочитать положения безотчетного произвола и прихоти тому, чего требует ясно сознанный закон логической мысли. Именем *воли* еще нисколько не прикрывается тот смысл *ее* у Шопенгауэра, что она нисколько не выше слепо и безотчетно действующей силы: у Шопенгауэра она прежде действует, а потом уже думает, что и как ею сделано? Но чем же Шопенгауэр хоть сколько-нибудь доказал, что именно так мы должны представлять недомыслимую, творящую причину мира? Ровно ничем. Несмотря на пользу взгляда Шопенгауэра на значение побуждений в психической жизни и на отношение их к самому телоустройству (что уже гораздо прежде было высказано у Фихте), доктрина его, в применении к метафизике, к нравственной и религиозной жизни, относится к числу игривых и самых обыкновенных фейерверков. Не отступая от законов мышления, мы не можем ставить понятия о высшем творящем могуществе как о слепо-действующей силе. Если понятие о *побуждении*, как предшествующем сознательным проявлениям нашей душевной жизни, применимо к объяснению произведений природы, то это нисколько не дает основания переступать пределы вашей мысли и снова, подобно представителям германского абсолютного идеализма, пророчесвенно уверять, что нам доступны самое существо Божие и свойственный ей творящий акт жизни. Главные сочинения Шопенгауэра указаны выше.